

УДК 821.111(73)

Наталья Васильевна Нестер

канд. филол. наук, доц., доц. кафедры мировой литературы и иностранных языков
Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой

Natallia Nestser

*Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of the Department
of World Literature and Foreign Languages of Euphrosyne Polotskaya State University
of Polotsk*

e-mail: n.nester@psu.by

**ГОТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ
В ПОВЕСТИ А. БИРСА «МОНАХ И ДОЧЬ ПАЛАЧА»**

Рассматривается повесть американского писателя Амброза Бирса (Ambrose Bierce, 1842 – 1913(1914) «Монах и дочь палача» (The Monk and the Hangman's Daughter, 1892). Отмечается, что в данном произведении – единственном крупном произведении писателя – наряду с романтическими тенденциями, присутствуют и черты готической литературы. Характерное для романа ужасов и тайн готическое пространство становится основополагающим фоном для развития сюжетной линии произведения. Посредством контрастного противопоставления света и тьмы, добра и зла готическая атмосфера изображается автором как доминирующая. Система персонажей повести включает в себя классический канон готических героев, претерпевающих изменения на протяжении повествования – монах Амброзий становится злодеем по воле судьбы, Рохус и Амалия являются катализаторами злых стремлений Амброзия, неизменным остается образ Бенедикты, символизирующей собой чистоту и невинность.

Ключевые слова: готический роман, «готический» тип сюжетного разворачивания, готическая традиция, система персонажей, хронотоп.

Gothic tradition in Ambrose Bierce story «The Monk and the Hangman's Daughter»

The article examines the story of the American writer Ambrose Bierce (1842 – 1913 (1914) «The Monk and the Hangman's Daughter» (1892). It is noted that in this work – the only major work of the writer – along with romantic tendencies, there are also features of Gothic literature. The Gothic space characteristic of a novel of horror and mystery becomes the fundamental background for the development of the storyline of the work. Through the contrasting opposition of light and darkness, good and evil, the Gothic atmosphere is depicted by the author as dominant. The system of characters in the story includes the classic canon of Gothic heroes, undergoing changes throughout the narrative – the monk Ambrosius becomes a villain by the will of fate, Rochus and Amalia are catalysts for the evil aspirations of Ambrosius, the image of Benedicta remains unchanged, symbolizing purity and innocence.

Key words: Gothic novel, «Gothic» type of plot development, Gothic tradition, character system, chronotope.

Введение

Амброз Бирс (Ambrose Bierce, 1842 – 1913(1914) – американский писатель, журналист, автор юмористических и «страшных» рассказов. Творчество А. Бирса является важным звеном в литературном процессе США конца XIX – начала XX вв. А. Бирс считается непревзойденным мастером короткой прозы, а его творческое наследие получило высокую оценку у современников и последователей.

Творчество А. Бирса представлено различными исследованиями, посвященными своеобразию творческого метода писателя [1, с. 93–123; 2], художественным особенностям рассказов А. Бирса о Гражданской войне в США [3], творчеству А. Бирса-баснописца [4], чертам готической литературы в литературном наследии автора [5; 6]. Тем не менее, повесть А. Бирса «Монах и дочь палача» (*The Monk and the Hangman's*

Daughter, 1892), единственное крупное произведение в творчестве писателя, осталось практически незамеченным исследователями [7; 8, с. 559].

Причина подобного отношения к данному произведению вызвана тем, что А. Бирс является одним из авторов данного произведения, о чем сам писатель, не скрывая, пишет в предисловии к повести. История появления данного произведения связана с именем ученого, журналиста, юриста, писателя и поэта А.Г. Данцигера (*Abram Dancygier*, 1859–1959), эмигрировавшего в США в 1883 году. Именно ему принадлежит перевод короткого романа немецкого драматурга и романиста Рихарда Фосса (*Richard Voß*, 1851–1915) «Монаха из Берхтесгадена» (*Der Mönch von Berchtesgaden*, 1888). Английским языком переводчик владел недостаточно, поэтому обратился за помощью к А. Бирсу, чтобы тот вычитал и отредактировал его перевод. Перевод А. Бирса нельзя назвать точным, тем более буквальным, о чем автор пишет в предисловии, в котором указывает, что знакомство с рукописью состоялось благодаря доктору Густаву Адольфу Данцигеру, принесшему ему собственный перевод немецкого писателя Рихарда Фосса из Гейдельберга. При этом автор указывает, что рукопись попала к нему в руки приблизительно в 1890-ом году. Задача писателя заключалась в редактировании перевода, выполненного А.Г. Данцигером: «Представленный текст поразил меня открывающейся возможностью для расширения и усовершенствования сюжета»¹ [9, с. 4]. А. Бирс согласился на эту работу с одним условием – переводчик должен предоставить ему полную свободу действий с текстом рукописи.

А. Бирс отмечает, что «в оригинальном виде повесть я никогда не читал, немецкого языка не знаю, поэтому мне неизвестно, насколько вольно д-р Данцигер обошелся с текстом автора»² [9, с. 4–5]. А.Г. Данцигер утверждает, что ничего от себя не добавил, тем не менее, «в перечне собственных произведений, объявляет себя автором «Монаха и дочери палача»»³ [9, с. 5], оправдывая подобную уловку господин Данцигер отмечает, что «Рихард Фосс позаимствовал свой сюжет из другого сочинения»⁴ [9, с. 5]. Поэтому издатель уведомляет читателя, что «в основе данного произведения – старинная рукопись, изначально принадлежавшая францисканскому монастырю в Берштесгадене, Бавария. Рукопись была получена от некоего крестьянина герром Рихардом Фоссом из Гейдельберга, а немецкоязычная версия является адаптацией упомянутого манускрипта»⁵ [9, с. 5]. А. Бирс немного отредактировал текст и добавил краткое ироническое замечание в финале произведения. Ни денег, ни славы повесть «Монах и дочь палача» не принесла писателю, несмотря на то что часто переиздавалась и после смерти А. Бирса.

Повесть «Монах и дочь палача» выходила фрагментами в газете «San Francisco Examiner» в сентябре 1891 года за авторством А. Бирса и А.Г. Данцигера (Р. Фосс, как автор первоначального текста был забыт и при последующих изданиях повести и вовсе не упоминался). С А.Г. Данцигером А. Бирса связывает также совместное основанное издательство «Western Authors Publishing Association», в котором вышел поэтический сборник А. Бирса «Beetles in Black Amber» (1892) и сборник рассказов А.Г. Данцигера «In the Confessional and the Following» (1893). В 1892 году повесть «Монах и дочь палача»

---

¹ «In reading it I was struck by what seemed to me certain possibilities of amplification, and I agreed to do the work if given a free hand by both author and translator» [10, p. 15].

² «Never having seen the original story, and having no skill in German anyhow, I am unable to say what liberties Dr. Danziger may have taken with his author's text» [10, p. 16].

³ «yet, in recent books of his he is described on the title pages as «Author of The Monk and the Hangman's Daughter» [10, p. 16].

⁴ «By a merely literary artifice the author of the German tale professed to have derived it from another writing» [10, p. 16].

⁵ «The foundation of this narrative is an old manuscript originally belonging to the Franciscan monastery at Berchtesgaden, Bavaria. The manuscript was obtained from a peasant by Herr Richard Voss, of Heidelberg, from whose German version this is an adaptation» [10, p. 16].

вышла отдельной книгой за авторством А. Бирса и А.Г. Данцигера. Практически сразу после этого партнеры поссорились, главным образом из-за доходов от повести и из-за того, как А.Г. Данцигер управлял издательством. Несмотря на то, что жизненные пути бывших партнеров периодически пересекались, они никогда больше не сотрудничали. В последующих изданиях А.Г. Данцигер упоминался наряду с А. Бирсом как один из авторов данной повести.

Актуальность данного исследования обусловлена возросшим в последнее время в отечественном литературоведении интересом к творческому наследию А. Бирса, главным образом, к его военным и мистическим рассказам. Несмотря на то, что готическая традиция органично вплетена в контекст литературных произведений американского писателя, а готическое пространство, на фоне которого разворачивается сюжетная линия многих его произведений, является основополагающим, тем не менее, чертам готической литературы в творчестве А. Бирса уделено недостаточно внимания, в особенности готической традиции в повести «Монах и дочь палача» [11], [12].

Цель данной работы – рассмотреть своеобразие восприятия готической традиции в повести А. Бирса «Монах и дочь палача». Для достижения данной цели были реализованы следующие задачи: проанализировать «готический» тип сюжетного развертывания в повести; рассмотреть пространственно-временную структуру повести; охарактеризовать систему персонажей в произведении.

Основная часть

Повесть «Монах и дочь палача» делится на тридцать шесть относительно небольших глав, в конце произведения приводится послесловие. Временные рамки задаются автором в первом абзаце первой главы: «В первый день мая, в год одна тысяча шестьсот восьмидесятый от рождения Господа нашего»⁶ [9, с. 7], здесь же определяются персонажи произведения «мы, монахи-францисканцы, Эгидий, Романус и Амброзий»⁷ [9, с. 7] и пространственные координаты «...были посланы отцом-настоятелем из города Пассау в монастырь Берштенсгатен, что близ Зальцбурга»⁸ [9, с. 7].

Одним из заглавных героев произведения является молодой монах-францисканец Амброзий, играющий роль рассказчика. Местом назначения монахов-францисканцев был монастырь, располагающийся «в дикой гористой местности, покрытый густыми лесами, населенными дикими зверями и злыми духами»⁹ [9, с. 7]. В повести «Монах и дочь палача» пространство постепенно сжимается вокруг героя – на пути к уединенному поселению монах Амброзий проходит множество прекрасных земель и гостеприимных городов. Границей между чудесной страной и основным местом действия является ущелье: «...казалось, что это врата Ада <...> Перед нами громоздились горы, теснины и сумрачные леса <...> путь нам преградили гигантские деревья. Их тяжелые кроны почти скрывали свет небес, сумрак сгустился, и холод пронизывал нас...»¹⁰ [9, с. 12–14].

В произведении описываются события, охватывающие относительно непродолжительный промежуток времени – с мая по октябрь 1680 года. При этом линейное время повествования постоянно прерывается исповедью героя и его воспоминаниями о случившемся: «О, Господи! Ты направлял меня – к чему же ты меня привел? В этот день – последний в своей жизни – я попросил разрешения писать и дать мне перо и бумагу, и мольба эта была услышана. Во имя Господа и во имя истины я хочу

⁶ «On the first day of May in the year of our Blessed Lord 1680...» [10, p. 19].

⁷ «the Franciscan monks Egidius, Romanus and Ambrosius» [10, p. 19].

⁸ «were sent by their Superior from the Christian city of Passau to the Monastery of Berchtesgaden, near Salzburg» [10, p. 19].

⁹ «The Monastery of Berchtesgaden was, we knew, in a wild and mountainous country, covered with dismal forests, which were infested with bears and evil spirits» [10, p. 19].

¹⁰ «it looked like the mouth of Hell... before us frowned the mountains with their inhospitable gorges and haunted forests, forbidding to the sight and full of peril to the body and the soul» [10, p. 24].

рассказать, как все случилось»¹¹ [9, с. 125]. При этом художественное время повести представлено с помощью трех рассказчиков. Основное повествование ведется от первого лица – от лица монаха Амброзия, записи о его смерти сделаны другой неизвестной рукой: «На пятнадцатый день октября в год 1680 от рождества Христова на этом месте брат Амброзий был повешен...»¹² [9, с. 142]. Третий рассказчик выполняет функцию своего рода разделителя между двумя предыдущими: «На этом манускрипт обрывается, далее всего несколько строк, начертанных другой рукой»¹³ [9, с. 142]. Использование в повести трех рассказчиков позволяет автору придать произведению историческую точность и достоверность. При этом монастырская рукопись, на которую ссылается автор, воспринимается как артефакт, как часть художественного вымысла.

Посредством нагнетания готической атмосферы писатель использует прием несбывшегося события, описывая окружающую действительность, ожидающую свершения неизбежного. В повести присутствуют намеки на какие-то страшные происшествия и предчувствия беды: «что нас ждет там»¹⁴ [9, с. 7] или мечтания Амброзия, предвосхищающие одержимость Бенедиктой: «Я часто молил небеса даровать мне жестокое испытание соблазном»¹⁵ [9, с. 27]. При этом история разворачивается на фоне шаблонных готических декораций: «Не помню, упоминал я прежде или нет, что наш монастырь воздвигнут на скале, нависшей высоко над рекою»¹⁶ [9, с. 35].

Знаковые для повествования эпизоды происходят, когда герой находится в замкнутом пространстве: Бенедикта приносит Амброзию эдельвейсы, когда он отбывает наказание в келье, в уединенной горной расщелине монах, как ему кажется, духовно перерождается и освобождается, а во время заключения в темнице, записывает рассказ-исповедь. Готический топос «проклятого места» претерпел изменения в повести А. Бирса. Местом кульминации в произведении является небольшая хижина на берегу мрачного Черного озера: «Истинно говорят, что это – страшное и проклятое место, годное только для обуянных дьяволом. И здесь живет бедное, несчастное дитя!»¹⁷ [9, с. 110]. Именно здесь Амброзий полностью подчиняется неведомой «божественной» воле и своей рукой убивает возлюбленную.

Напряженные события в произведении чаще всего происходят в ночное время, что соответствует традиционному хронотопу романтических и готических произведений. Наступление темноты несет за собой появление демонических образов, это время, когда иррациональное, мистическое выходит на передний план: «Сиял в небе месяц, и пламенел он, как рана словно чья-то злодейская рука вогнала клинок по рукоятку в священную грудь Небес»¹⁸ [9, с. 133]. Только с наступлением темноты молодой Рохус напивается и осмеливается угрожать монаху, ввязываться в драку, отвергать возлюбленную ради дочери палача: «они были без головных уборов, и волосы свободно струились по их плечам, одежда в беспорядке, а движения неистовы. Они неистовали у костра, и его свет отбрасывал на их лица красные и черные тени... Жутким

---

¹¹ «LORD, Savior of my soul, whither hast Thou led me? On this the last day of my life I have asked that I be permitted to write, and my prayer is granted. In the name of God and in the truth I shall now set down all that occurred» [10, p. 146].

¹² «On the fifteenth day of October, in the year of our Lord 1680, in this place, Brother Ambrosius was hanged» [10, p. 162].

¹³ «To this old manuscript are added the following lines in another hand» [10, p. 162].

¹⁴ «what might become of us» [10, p. 19].

¹⁵ «I often pray Heaven to put me to the test of temptation...» [10, p. 39].

¹⁶ «I know not if I have already mentioned that the monastery is built upon a rock high over the river» [10, p. 48].

¹⁷ «It is indeed an awful and accursed place, fit for the habitation of the damned» [10, p. 131].

¹⁸ «The new moon looked like a divine wound in the sky, as if some hand had plunged a dagger into Heaven's holy breast» [10, p. 156].

представилось мне это зрелище – словно не люди то были, но демоны преисподней собрались на свой зловещий шабаш»¹⁹ [9, с. 58].

Главного героя повести «Монах и дочь палача» можно охарактеризовать как падшего священника, скрывающего грехи и пороки под маской благочестия. В начале повествования А. Бирс изображает портрет искренне верующего человека: «Но не горе и не отчаянье заставили меня отказаться от мирской суеты и привели в лоно церкви, но искреннее желание служить Всевышнему. Единственное желание мое – принадлежать Богу, повиноваться святой Церкви и, будучи слугой Божьим, нести благодать всем людям, которых я так глубоко и искренне люблю»²⁰ [9, с. 25]. Помыслы Амброзия чисты, он действительно страдает и хочет помочь Бенедикте, видя в ней лишь невинное дитя.

С развитием фабулы герой осознает, что его любовь к Бенедикте вполне реальна, но отрицает это: «О, Господи! А что, если это чувство, воспринятое мною как знак свыше, наставляющий спасти душу Бенедикты – есть любовь земная? Тогда – о, горе мне! – я иду по дороге, ведущей в ад!»²¹ [9, с. 63]. Главный герой повести – герой претерпевающий, герой во власти судьбы. Амброзий не действует, а лишь смиренно принимает все тяготы и наказания. Уединение в горах не приближает монаха к богу, а, напротив, усиливает соблазн и сомнения в его душе: «Чем больше я думал о нелепой жестокости того, что случилось с этой простой и безобидной семьей, тем сильнее в сердце моем нарастал безотчетный протест против мира, жизни, против Церкви, против Бога!»²² [9, с. 99].

В результате желание Амброзия спасти Бенедикту перерастает в страсть и одержимость, которая всецело овладевает героем, разрушая его личность. Стремясь спасти душу Бенедикты, он убивает ее, нарушая тем самым «закон Божий и закон человеческий». Тем не менее, совершив грех, герой продолжает верить, что попадет на Небеса и воссоединится с Бенедиктой. При этом внешность героя меняется вместе с его душой. Если до того, как Амброзий стал одержим, женщины отмечали как «рады, что теперь у них в горах вновь поселился святой отец и, что особенно приятно, такой молоденький и красивый»²³ [9, с. 91], то, когда монах в последний раз пришел к Бенедикте, она «отшатнулась с возгласом ужаса – словно увидела не меня (*Амброзио*), а исчадие ада!»²⁴ [9, с. 136].

Центральный женский образ повести – образ дочери палача Бенедикты. С самого первого появления автор описывает ее как страдающую и бесстрашную: «На лугу появилась юная девушка с длинными, золотистого цвета волосами, голову ее украшал венок. Она была одета в ярко-красное платье, и ее неожиданное появление, как мне показалось, осветило всю сцену, будто сполох огня»²⁵ [9, с. 15]. С образом Бенедикты неразрывно связаны эдельвейсы, которые она приносит Амброзию. Эдельвейсы

---

¹⁹ «their heads uncovered, their hair streaming over their shoulders, their garments disordered by the fury of their movements. They circled about the fires, wound in and out among them, showing black or red according to how the light struck them... and looking altogether like Demons of the Pit commemorating some infernal anniversary or some new torment for the damned» [10, p. 72–73].

²⁰ «Not sorrow nor despair drew me away from the world into the sacred retreat of the Church, but a sincere desire to serve the Lord. My only wish is to belong to my beloved Saint, to obey the blessed mandates of the Church, and, as a servant of God, to be charitable to all mankind, whom I dearly love» [10, p. 38–39].

²¹ «O blessed Saints in Heaven! what if it be that this feeling which I have accepted as a sign and token that I am charged with the salvation of Benedicta's soul is but an earthly love? Pray for me, O dear Franciscus, that I may have the light, lest I stray into that road which leads down to Hell» [10, p. 38–39].

²² «As I thought of the cruel wrongs of this humble and harmless family there came into my heart a feeling of wild rebellion against the world, against the Church, against God!» [10, p. 119].

²³ «they were glad to have a «mountain brother» again, especially so young and hand-some a one» [10, p. 109].

²⁴ «But she had no sooner glanced into my face than she uttered a scream of terror and recoiled from me as if I had been a fiend from Hell!» [10, p. 157].

²⁵ «in the meadow appeared a young girl, with long golden hair, upon which rested a wreath of blossoms. She wore a bright red dress, which seemed to me to light up the whole scene like a flame of fire» [10, p. 27].

сопровожают Бенедикту до самой смерти, подчеркивая ее непорочность, храбрость и близость к богу: «Я посмотрел на нее и увидел, что она – точно невеста Христова – так чиста и так прекрасна... Потому я снял венок эдельвейсов с образа Святой Девы Марии и возложил его на чело Бенедикты. И вспомнил вдруг те эдельвейсы, что когда-то она принесла мне в темницу скрасить горечь моего заключения»²⁶ [9, с. 140].

Наиболее ярким второстепенным персонажем повести является Рохус. Он описывается автором как «молодой человек приятной наружности, но дикого и необузданного нрава»²⁷ [9, с. 28], является «пустым и самовлюбленным человеком, который <...> вел себя легкомысленно: сбив шляпу набекрень, с вожделием разглядывал девушек и женщин <...> он не был добрым христианином»²⁸ [9, с. 43]. Презрение, с которым сын Мастера относится к монаху явно прослеживается, когда в ответ на мольбу Амброзия, Рохус применяет грубую силу. В образе Рохуса писатель воплощает земные пороки и соблазны, изображает человека, далекого от бога. Тем не менее, при всей порочности и жестокости не он решается на ужасное преступление. В начале повести образ Рохуса противопоставлен образу Амброзия, однако впоследствии именно он является причиной одержимости монаха. Кроме того, Рохус дополняет образ Бенедикты: «Он был такой добрый, – сказала она. – Он сказал, что попросит своего отца встретиться со мной, а потом тот, может быть, возьмет меня в свой дом и даже попросит Его Преосвященство снять проклятие с моего имени. Правда, это замечательно?»²⁹ [9, с. 137]. Бенедикта чиста и наивна в своей любви, словно не замечает, что происходит вокруг нее, она является идеальной героиней и в своих помыслах, и в своих поступках.

Еще один образ, который автор противопоставляет невинной Бенедикте – образ Амалии. Она полна ревности, злобы и ненависти. При показной набожности этот персонаж является самым порочным. В критической ситуации, когда Бенедикте угрожает опасность, Амалия помогает не из сострадания, а преследуя личные, более приземленные мотивы: «Он не получит ее! К дьяволу его вместе с этим отродьем палача!»³⁰ [9, с. 52]. Испытывая по отношению к Рохусу настоящие чувства, Амалия, тем не менее, оказывается отвергнутой из-за влечения Рохуса к ее сопернице Бенедикте. Ревность вызывает в Амалии противоречивые чувства: с одной стороны, она хочет помочь Бенедикте, с другой стороны, вызвать к ней всеобщую ненависть, что ей в конце концов удастся. Оклеветав Бенедикту, Амалия тем самым вызывает ответную реакцию беснующейся толпы – к позорному столбу девушку ведет сам палач – ее отец, бессильный от горя и жалости к собственной дочери. При этом Бенедикта поддерживает и успокаивает отца – ведь она невинна. Убитый горем палач умирает, Бенедикта остается одна, презираемая и гонимая всеми, находящая помощь и поддержку только со стороны своего возлюбленного Рохуса и влюбленного в нее Амброзия.

Заключение

В отличие от традиционного готического романа, повесть «Монах и дочь палача» строится не на фантастическом сюжете, а на вполне реальной истории, изложенной в монастырской рукописи. Достоверность повествованию придают обозначенные в произведении хронологические рамки развития событий (май – октябрь 1680-го года).

---

²⁶ «As I had made her a bride of Heaven, I took from the image of the Virgin the wreath of edelweiss and placed it on Benedicta's brow; and now I remembered the edelweiss which she had once brought me to comfort me in my penance» [10, p. 160].

²⁷ «a handsome but wild and wicked youth» [10, p. 41].

²⁸ «I judge him to be self-willed and bold... He wore his hat on the side of his head and cast flaming glances upon the women and the maidens. I fear he is not a good Christian...» [10, p. 57].

²⁹ ««He was so good», she said. «He will ask his father to consent to see me, and perhaps take me to his great house and persuade the Reverend Superior to remove the curse from my life. Would not that be fine? But then», she added, with a sudden change of voice and manner, lowering her eyes, «perhaps you would no longer care for me. It is because I am poor and friendless»» [10, p. 158].

³⁰ «He shall not have her! To the devil with the hangman's whelp!» [10, p. 68].

Художественное время повести представлено с помощью трех рассказчиков: одно время внутри другого, один рассказчик наблюдает за другим.

Развитие действия произведения происходит на фоне зловещих пейзажей, усиливающих напряженность повествования. Знаковые для повествования эпизоды происходят, когда герой находится в замкнутом пространстве, пространство постепенно сжимается вокруг него. При этом писатель следует традиционной схеме готического романа, выбирая ночь как основное время действия в повести. Готическая атмосфера в произведении создается посредством контрастного противопоставления пейзажных характеристик, служащих передаче эмоционального состояния персонажей.

«Монах и дочь палача» напоминает психологическую готику, целью которой является создание атмосферы и характеров. Кроме того, повесть А. Бирса представляет собой симбиоз готических и романтических тенденций – в основе произведения «Монах и дочь палача» лежит история любви монаха Амброзия к дочери палача Бенедикты. При этом в главном герое Амброзии сочетаются темное и светлое начало, разделяя героя на добрую и злую ипостаси.

Амброзий становится злодеем по воле судьбы и совершает убийство ради спасения Бенедикты. Образ дочери палача остается неизменным на протяжении всего повествования: Бенедикта воплощает собой светлое начало, девушка чиста и невинна, проявляет добрые намерения ко всем без исключения, даже к собственным обидчикам. Второстепенные образы Рохуса и Амалии – являются катализаторами злых стремлений и своего рода готическими злодеями, осуществляющими зло не до конца. Трансформация главного героя (монаха Амброзия) в злодея происходит постепенно с развитием сюжета и несет на себе печать рока, что подкрепляется наличием отрицательных персонажей (Рохуса и Амалии) и положительного образа Бенедикты.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кашкин, И.А. Для читателя-современника: статьи и исследования / И.А. Кашкин. – М. : Советский писатель, 1977. – 560 с.
2. Танасейчук, А.Б. Традиции литературы США XIX века и творчество Э. Бирса : автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.05. – Л. : Ленинград. гос. ун-т, 1989. – 15 с.
3. Аствацатуров, А.А. Невыразимость кошмара: о рассказах Амброза Бирса / А.А. Аствацатуров // Хаос и симметрия. От Уайльда до наших дней [эссе] / А.А. Аствацатуров. – М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2020. – С. 167–187.
4. Нестер, Н.В. Традиция и новаторство А. Бирса-баснописца (на материале книги «Фантастические басни») / Н.В. Нестер // Гугнинские чтения [Электронный ресурс]: электронный сборник статей I Международной научной конференции, Полоцк, 5–6 мая 2022 г. / Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой. – Новополоцк, 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – С. 124–128.
5. Новак, К.В. Готические мотивы в мистических рассказах Амброза Бирса / К.В. Новак // Филологический аспект: международный научно-практический журнал. – 2020. [Электронный ресурс]. – 2022. – Режим доступа: <https://is.gd/kpwM4E>. – Дата доступа : 31.11.2022.
6. Тарасова, Е.В. Традиции готического романа в прозе США XIX – первой трети XX веков (Э.А. По, А. Бирс, Г.Ф. Лавкрафт): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / Е.В. Тарасова; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 24 с.
7. Зверев, А. Бирс, А. / А. Зверев // Писатели США. Краткие творческие биографии / Сост. и общ. редакция Я. Засурского, Г. Злобина, Ю. Ковалева. – М. : Радуга, 1990. – С. 49–51.

8. История всемирной литературы: в 9 т. / редкол.: И.А. Бернштейн (глав. ред.) [и др.]. – М.: Наука, 1991. – Т. 7 / И.А. Бернштейн [и др.]. – 1991. – 832 с.
9. Бирс, А. Монах и дочь палача: повесть / А. Бирс; [перевод с англ. А.Б. Танасейчука]. – М. : АСТ, 2022. – 144 с.
10. The Collected works of Ambrose Bierce. Volume VI: The Monk and Hangman's Daughter. Fantastic Fables. – New York & Washington : The Neale Publishing Company, 1911. – 384 p.
11. Monaghan, F. Ambrose Bierce and the Authorship of «The Monk and the Hangman's Daughter» / F. Monaghan // American Literature, II (Jan. 1931). – P. 337–349.
12. Baumann, C. Faszination „Monk“: Richard Voß' Novelle Der Mönch von Berchtesgaden (1891) in ihren Beziehungen zu Matthew Gregory Lewis' Roman The Monk (1796) und Ambrose Bierce' Erzählung The Monk and the Hangman's Daughter (1892) / C. Baumann // Orbis Linguarum. – 2019. – № 57. – S. 5–24.

REFERENCES

1. Kashkin, I.A. Dlya chitatel'ya-sovremennika: stat'i i issledovaniya / I.A. Kashkin. – М. : Sovetskij pisatel', 1977. – 560 s.
2. Tanasejchuk, A.B. Tradicii literatury SSHA XIX veka i tvorcestvo E. Birs: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.05. – L. : Leningrad. gos. un-t, 1989. – 15 s.
3. Astvacaturov, A.A. Nevyrazimost' koshmara: o rasskazah Ambroza Birs / A.A. Astvacaturov // Haos i simmetriya. Ot Uajl'da do nashih dnei [esse] / A.A. Astvacaturov. – М. : AST: Redakciya Eleny SHubinoj, 2020. – S. 167–187.
4. Nester, N.V. Tradiciya i novatorstvo A. Birs-basnopisca (na materiale knigi «Fantasticheskie basni») / N.V. Nester // Gugninskie chteniya [Elektronnyj resurs]: elektronnyj sbornik statej I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Polock, 5–6 maya 2022 g. / Polockij gosudarstvennyj universitet imeni Evfrosinii Polockoj. – Novopolock, 2023. – 1 elektron. opt. disk (CD-ROM). – S. 124–128.
5. Novak, K.V. Goticheskie motivy v misticheskikh rasskazah Ambroza Birs / K.V. Novak // Filologicheskij aspekt: mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij zhurnal. – 2020. [Elektronnyj resurs]. – 2022. – Rezhim dostupa: <https://is.gd/kpwM4E>. – Data dostupa : 31.11.2022.
6. Tarasova, E.V. Tradicii goticheskogo romana v proze SSHA XIX – pervoj tretej XX vekov (E.A. Po, A. Birs, G.F. Lavkraft): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk: 10.01.03 / E.V. Tarasova; Bel. gos. un-t. – Minsk, 2018. – 24 s.
7. Zverev, A. Birs, A. / A. Zverev // Pisateli SSHA. Kratkie tvorcheskie biografii / Sost. i obshch. redakciya YA. Zasurskogo, G. Zlobina, YU. Kovaleva. – М. : Raduga, 1990. – S. 49–51.
8. Istoriya vseмирnoj literatury: v 9 t. / redkol. : I.A. Bernshtejn (glav. red.) [i dr.]. – М.: Nauka, 1991. – Т. 7 / I.A. Bernshtejn [i dr.]. – 1991. – 832 s.
9. Birs, A. Monah i doch' palacha: povest' / A. Birs; [perevod s angl. A.B. Tanasejchuka]. – М. : AST, 2022. – 144 s.
10. The Collected works of Ambrose Bierce. Volume VI: The Monk and Hangman's Daughter. Fantastic Fables. – New York & Washington : The Neale Publishing Company, 1911. – 384 p.
11. Monaghan, F. Ambrose Bierce and the Authorship of «The Monk and the Hangman's Daughter» / F. Monaghan // American Literature, II (Jan. 1931). – P. 337–349.
12. Baumann, S. Faszination „Monk“: Richard Voß' Novelle Der Mönch von Berchtesgaden (1891) in ihren Beziehungen zu Matthew Gregory Lewis' Roman The Monk

(1796) und Ambrose Bierce' Erzählung The Monk and the Hangman's Daughter (1892) / S. Baumann // Orbis Linguarum. – 2019. – № 57. – S. 5–24.

Рукопись поступила в редакцию 30.09.2024